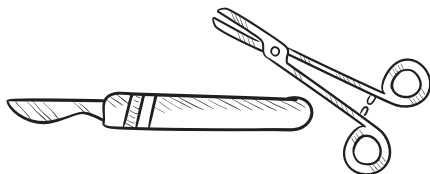

—
Звезда соцсети
—

Александр Иванов

ДРУГИЕ
ЗАПИСКИ
АНЕСТЕЗИОЛОГА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И 20

Иванов, Александр.

И 20 Другие записки анестезиолога / Иванов Александр. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Звезда соцсети).

ISBN 978-5-17-133910-4.

«Другие записки анестезиолога» — это сборник реальных историй из жизни врачей-анестезиологов. Тех, благодаря которым хирург может резать, гастроэнтеролог — обследовать, кардиолог — шунтировать. И хоть анестезиологи не лечат, их роль невозможно не оценить: они изменяют частоту пульса, давление крови, ритм дыхания и, в конце концов, помогают не чувствовать боль. Поверьте, им есть что рассказать!

Смело берите книгу в руки и читайте от корки до корки, каждая страница будет увлекать вас сильнее, а вопрос «Да ладно?» будет преследовать вас в каждом абзаце.

**УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-133910-4.

© Иванов А. Е. текст
© ООО «Издательство АСТ»

Вместо предисловия

Вашему вниманию предлагается сборник рассказов из жизни рядовой районной больницы. В него вошли истории, записанные со слов действующих и бывших коллег по работе, знакомых врачей и тех, кто имеет какое-то отношение к медицине. Вынужден предупредить: большинство историй как были рассказаны, так и записаны от первого лица. Это совсем не означает, что автор был непосредственным участником или даже свидетелем. Однако все описываемые ситуации правдивы и имели место в действительности. Исключением могут быть только изменение имен, дат и незначительных обстоятельств.

Поскольку автору хотелось как можно точнее передать устную речь рассказчиков, в тексте, кроме вольной пунктуации, присутствует большое количество непечатной лексики. Та, что не несет никакой смысловой нагрузки, а служит лишь как вспомогательная части речи, по возможности убрана. Но полностью избавиться от нее не удалось. Этот вопрос отдается на усмотрение редактора, печатать текст без купюр, ставить многоточия или искать подходящие синонимы.

Право выбора названия также отдано на усмотрение редакции. Издатель лучше знаком с конъюнктурой рынка и читательским спросом. Но, как бы ни была озаглавлена книга, пусть это будут «Записки врача-психопата» или «Скальпель в руке маньяка», откройте ее.

—Иванов Александр—

Если, конечно, вас интересует то, что реально происходит в нашей медицине и вокруг нее, а не те фантазии, которые нам показывают в бесконечных телесериалах или пытаются изобразить различные последователи как советского реализма, так и постмодернизма. Возможно, книга заинтересует тех, кто устал от обилия сентиментальной прозы на книжных прилавках. Потому что здесь — реальная жизнь, реальные истории, рассказанные реальными людьми.

Придумать название для книги далеко не так просто, как кажется, иногда бывает даже сложнее, чем написать саму книгу. Поэтому автор благодарен издательству, взявшему на себя этот труд. В жизни приходилось сталкиваться с трагическими случаями, когда то или иное эпохальное произведение не смогло озарить нас своим светом, когда его создателю не удавалось излить на благодарных читателей накопившуюся за долгую жизнь мудрость, поделиться с грядущими поколениями своим бесценным опытом по одной простой причине: не удалось придумать название, достойное масштаба произведения. Пожалуй, с одного такого примера мы и начнем.

Инсульт старого комсомольца

Восьмидесятые годы, конец советской эпохи. Один из ее прежних активных деятелей, уверенный, что оставил свою неизгладимую царапину в истории своей родины, старый хрен-коммунист, решает писать мемуары, желает донести до грядущих поколений свой бесценный опыт. Поделиться мудростью уходящих поколений. На столе лежит увесистая рукопись, стопка машинописных листов, готовая к отправке в редакцию. Осталось подобрать заголовок. На верхнем листе бумаги варианты. «Воспоминания старого комсомольца». Как-то шаблонно, не годится. Перечеркнуто. «Исповедь старого комсомольца». Опять что-то не то, не понравилось, зачеркнуто. Дальше шло: «Пережитое старым комсомольцем», «Откровения старого комсомольца», «Былое. Исповедь старого комсомольца». И так до конца страницы. Ни одно из названий не удовлетворило автора. Умственные усилия перенапрягли разум, в мозге случился инсульт. Естественно, «Скорая», спасите! Знали бы вы, какой это человек! Старый комсомолец, обосавшись, валялся у стола на полу и мычал. Рядом щебетала доктор из «Свердловки», примчавшаяся на вызов раньше городской «Скорой».

— Николай Иванович, что с вами? Вам плохо?

Комсомолец, голосом позднего Леонида Ильича, отвечал по-партийному кратко:

— Пошла ты на х...!

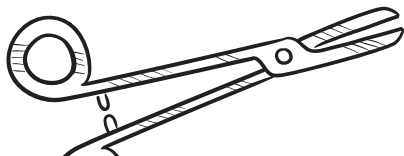

Та ко мне:

— Доктор, а что с ним, почему он ругается?

— А вас что, в первый раз на х... послали? Обычный инсульт-привет. Давайте грузить, отвезем в больницу. Если пропуск у него есть, то в «Свердловку», если нет, то в нашу, народную.

Пропуск, естественно, был. Пропуск в больницу Четвертого управления старые коммунисты берегли, как партбилет. Даже не как партбилет, гораздо бережней. Что давал партийный билет пенсионеру? Очень многое, но далеко не все. Он давал право присутствовать на партийных собраниях в красном уголке ЖЭКа, активно участвовать в партийной жизни своей первичной ячейки. Давал право обратиться в любой партийный орган, вплоть до ЦК и лично к его генеральному секретарю. Только зачем? А пропуск в «Свердловку», больницу четвертого Главного управления Минздрава, где лечилось все руководство страны, ее лучшие представители, давал право на более-менее достойное медицинское обслуживание для всей семьи. Пока родня снимала обоссанные штаны и заворачивала старого комсомольца в одеяло, я внес свое предложение. Перечеркнув лист с неудачными вариантами, написал поперек титульного листа: «Инсульт старого комсомольца». Так я и не узнал, вышла рукопись в свет или осталась в семейном архиве. А если и вышла, то под каким названием. Мне казалось, что мое название было наиболее подходящее. По крайней мере, окончательная точка в рукописи была поставлена. Через пару недель в газете «Ленинградская правда» наткнулся на некролог со знакомой фамилией: Обком КПСС, президиум исполкома Ленсовета и пр., пр. с глубоким прискорбием сообщали о кончине выдающегося, видного и заслуженного деятеля, память о котором навсегда сохранится в наших сердцах.

День медработника

Удостоен к празднику, ко Дню медицинского работника, Почетной грамоты, как написано — за самоотверженный многолетний труд. Приятно, а самое главное — бумага плотная. Пригодилась вечером для разделки копченой скумбрии к пиву. На собрание не пошел, грамоту после концерта притащил заведующий.

Главврач со своей свитой загоняет коллектив на торжественное собрание.

— Пойдемте, вам — обязательно, вас награждать будут.

— А с чего это собрание, да еще в пятницу?

— Так праздник, День медработника!

— А мы разве медработники? Мы же теперь сфера обслуживания. Где-то в конце июля, кажется, должны отмечать.

— Вам бы только иронизировать, все, хватит, пошли.

— А в лавке кто останется?

— Если чего — позовут. Там ненадолго. Сначала собрание, потом концерт, потом спортивный праздник, а вечером ресторан. В ресторан пойдете?

— Я не член профсоюза. Мне дорого.

— Ну это добровольно, кстати, все оплачено, ну а в концерте принять участия нет желания? Спеть там чего? Приз получите.

— Не, это я раньше мог. Сам, конечно, не помню, но говорили, что песню про красных кавалеристов любил спеть или эту, как ее, про белую гвардию, черный барон... Давно уже не пою, все, завязал, здоровье не позволяет. А кстати, аккордеона у нас нет? А то мог бы что-нибудь исполнить, какие-нибудь страдания. Приходи Маруся с гусем...

— Аккордеона нет! Ну а просто прийти послушать? Ребята готовились.

Готовились, слышал всю неделю, как за стенкой хор мальчиков репетировал, столы в ординаторской тряслись.

— Не люблю я самодеятельность. Я за профессионализм в любом деле. Вот, к примеру, даже ежели приходится выбирать между шлюхой и блядью...

— А это, интересно, вы к чему?

— Просто блядей не люблю. Предпочел бы профессионалок.

— Слушайте! Надоели вы со своими шутками, можете не ходить. Только праздник испортите.

А где тут шутки? И в мыслях не было. Опять, кажется, как-то не так меня поняли.

— А что за спортивный праздник? Это что-то новое.

— Как что за праздник? Вы разве не слышали? Новый глава районной администрации устраивает, специально для нас.

Слышал, что глава у нас новый. Решил обеспечить спонсорскую поддержку, захотел познакомиться с народом, так сказать, в неформальной обстановке. (После спортивного праздника предусматривался обед.)

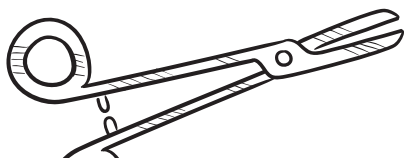
— А куда прежний делся?

— Ну, вы понимаете, в районе такая обстановка...

— Понятно, значит, сел, работа такая, так и не наладил контакта с электоратом. Даже имени его никто не успел запомнить, я о новости прочел в местном таблоиде, а чего сняли — не написано. Так и так, такой-то, как положено, освобожден от обязанностей... возбуждено... избрана мера пресечения... Что-то там, кажется, связано с продажей под коттеджи земель, принадлежавших воинской части?

— Да, там были нарушения, но я лично с ним знаком, это кристально честный человек, все обвинения против него — это ложь.

— Так никто не сомневается, конечно, честный. Так бы им и остался, не вспомни танкисты неожиданно про боевую подготовку, пришли на маневр, а на их полигоне дома построены, люди живут. Забавно. Жители от страха чуть не обделались, правда, рассказывали,

что танкисты вели себя тактично, просили не беспокоиться. Мы тут мимо прокатимся, тихонечко постреляем, а дома постараемся не повредить, такой команды не было. А когда будет? Ну когда будет, тогда и будет, а пока не волнуйтесь, отработка действий по захвату населенного пункта противника в ближайшие планы не входит. Но подробностей никто не выяснял, не интересно это, бывало и повеселей. Только потом у нас половина реанимации была забита этими жителями, сердце... У кого инфаркт, у кого криз. Не знаю, въехал бы ко мне во двор танк, как бы я отреагировал. Кстати, а желающих много, в спортивном празднике участвовать?

— Да нет, не много, приходите. Вы же, кажется, спортом занимались?

— Занимался. Я бы рад и могу, еще как могу, только вот одна мелочь, она не позволит принять участие в атлетических соревнованиях. Сами знаете, последний год я вынужден принимать гормональные препараты, так что никакой допинг-контроль не пройду. А вдруг куда-нибудь прибегу в призерах, зачем вам допинговый скандал? Тут даже справка от врача не поможет, что пью стероиды не ради спортивных побед. Вот был бы там русский бильярд, тут бы я мог показать результат. Там допинг-контроля нет. Или в домино. Но они же в нашу олимпийскую программу не включены. Да и на бильярде, если играю, исключительно на деньги, раньше мог на коньяк, а на интерес не привык, воспитание не позволяет. Так что лучше сразу перейти ко второй части программы. В ресторан.

— Ну смотрите, захотите — приходите. И не дай бог опять в парке всем отделением напьетесь, как в прошлый раз.

— Гарантирую — проблем не будет. Пути эвакуации продуманы. Будет закуска. Так что с праздником!

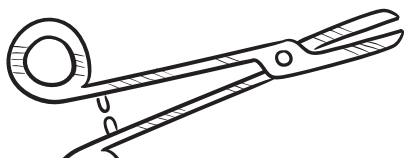
Несостоявшийся номинант на премию Дарвина

Новый год встречаем без снега, за окном дождь. В палатах шелестит генетический мусор, занесенный еще осенними ветрами. Кто-то ловит мух, кто-то уже не ловит, силы остались только на то, чтобы хватать руками невидимые нам окружающие предметы. Мусситирующий делирий. Со стороны кажется, что человек занят поисками ключей от рая. Но никто, никто почему-то не желает избавлять популяцию от своего генотипа, не просто, а так, чтоб остаться в народной памяти, чтоб можно было номинироваться на премию Дарвина. Обычные суициды не в счет, укусовая кислота, веревка, прыжок с балкона. Нет поиска. Вот только показалось, наконец, попался достойный кандидат, вернее, кандидатка, но молодец, к счастью, выжила. Удушье оказалось не смертельным. Очередной несостоявшийся претендент на премию Дарвина.

«Скорая» под вечер привозит девушку. В направлении диагноз: «Механическая асфиксия, повешение под вопросом. Запах алкоголя». Выражение «Запах алкоголя» пишется деликатно, даже если клиент пьян до безумия. Поставить диагноз «Алкогольное опьянение» может только специалист, нарколог. Простым врачам это запрещено. На шее, как положено, яркая странгуляционная борозда. Странные ссадины на руках, словно пыталась в последний момент выбраться из петли. Маловероятно, редко кому это удастся. Кто-то удерживал руки? Спрашиваю у доктора:

— А почему повешение под вопросом? Что, неизвестно, вешалась или душили?

— Да нет, — говорит, — вроде вешаться не собиралась. И душить ее никто не душил. Да и кто ее, корову, задушит? Говорят, какими-то трусами чуть не удавилась, я подробности не выяснял, мне пох...

Доктор не молод, давно перестал интересоваться деталями.

— А откуда привезли?

— Из торгового комплекса, магазин одежды. Нашли ее там, в примерочной кабинке.

Просыпается интерес. Из одежды на теле, извиняюсь за подробность, одни красные трусики-стринги, которые разглядеть можно спереди — приподняв жировую складку на животе, а сзади, только если удастся вдвоем раздвинуть ягодицы. Интерес крепнет, вопросы накапливаются, но приходится ждать, когда придет в сознание, выясним. Пока лежи, отдышись.

Наутро дышит самостоятельно, пришла в сознание. Вытаскиваю интубационную трубку. Откашляйся, молодец.

— Пришла в себя? Говорить можешь?

Кивает в ответ.

— Ну давай, рассказывай, чего тебя угораздило в петлю лезть? Жить надоело?

— Нет, не надоело, просто я на корпоратив сегодня должна идти.

— А кем же мы работаем?

— Зоотехником.

Случай все более интригует. Воображение начинает рисовать картину корпоративной вечеринки в коровнике. Тут есть простор для фантазии, но можно отвлечься от темы.

— Ну и что дальше?

— Я пошла платье новое покупать, подруга уговорила, новое такое, в обтяжечку, сидит отлично.

— Купила?

— Купила. Только у меня видите, с боков, на талии, складочки жира свисают, а в новом платье так очень заметно. А мне продавщица посоветовала, попробуйте, как она сказала, корректирующее белье, с ним платье померьте. Говорит, не пробовали? Не, говорю, не пробовала. А я сейчас дам ваш размер, примерите. И приносит мне что-

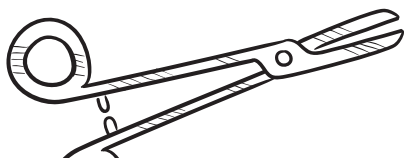
то типа маечки, такую знаете, размером с рукавичку. Да, думаю, как же я такое на себя натяну? А она мне говорит, не беспокойтесь, она тянется, материал очень плотный, и не сомневайтесь, это точно ваш размер, идите в кабинку, попробуйте. А я дура, ну откуда мне знать, что эта фигуля снизу надевается? Руку просунула, на плечо натянула, вторую руку сую — только кисть прошла. Думаю, ладно, растяну изо всех сил, просунула в нее голову, а дальше все, никак, бюст не дает. А она мне шею схватила, душит, и руки мне не вытянуть, а сил ее растянуть уже не хватает. Я пытаюсь, а никак. И что делать, на помощь звать? Сбегутся, а я тут в кабинке в одних труселях, а их и труселями-то назвать нельзя, я ж на вечеринку собралась. Дергаюсь и чую — конец мне, сейчас задохнусь. Слышу, продавщица спрашивает, вам там не плохо? А я уже и ответить не могу, дыхание сперло, и все, больше и не помню ничего. Нашатырь мне дают, очнулась, на полу лежу.

Действительно, неизвестно, где тебя поджидает опасность. И не надо рисковать, отправляясь на корпоратив на ферму, покупайте белье Урюпинской трикотажной фабрики. Теплое, из мягкой фланели.

— Хорошо, — говорю, — лежи, поправляйся. Дай бог тебе жениха хорошего.

Мои встречи с Лениным

- **О**рдинатор интересуется:
— А как написать, какой уровень сознания у дедушки?
— Он разговаривает?
— Разговаривает, только несет какой-то бред. С каким-то Лениным беседует.
— Жаль старичка, симпатичный дедок. На Буденного похож. Пиши: «Кома».

— А почему кома, он же в сознании?

— Потому что. Пиши «кома», с запасом. Завтра дедок помрет, а у нас по истории получается, что он сегодня бодренький был и веселый. Ишь, затейник, про Ленина вспомнил. Скажут — недоглядели. В нашем деле уровень сознания надо оценивать с запасом, на перспективу. Помрет, ну что сделаешь, был в коме, умер. А придет в себя, значит, мы молодцы, хорошо лечили. Но это вряд ли.

— А почему он должен умереть? Мы же его только после операции взяли, понаблюдать.

— Ну, может, не завтра, но точно долго не протянет, это закон. Раз Ленина увидел, значит, конец близок. Пиши — кома. Это доказано, проверено не один раз. Можешь диссертацию на эту тему написать. Хотя, боюсь, ты опоздал, все меньше людей перед смертью видят Ленина.

— А вы сами не пробовали написать диссертацию? Были бы кандидатом, все прибавка к зарплате.

— А зачем мне оно? Тысячу рублей за степень? Да и ту постоянно зажимают. А вообще пробовал, даже в аспирантуру поступил. Не окончил, правда. Хотя тему для работы дали вполне проходную, можно было слепить диссертацию.

— А что за тема?

— Тогда модно было новые антиаритмики испытывать. Вот мне и предложили. Фармацевты спонсировали, обеспечивали препаратом. Ну понятно, отзыв должен быть соответствующий, сам понимаешь, кто платит, тот и заказывает.

— Ну и как, получилось?

— Получилось. В первом же десятке случаев две клинические смерти и один отек легких. Слава богу, закончилось все благополучно, все выжили. Так и написал в отзыве: «Хорошее средство, при грамотном использовании годится для эвтаназии». Шутки не поняли. Потом мы, правда, занялись одной темой, интересная, кстати, сейчас методика широко применяется, но про нас как авторов никто не

